

Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-157-168

Троицкий Евгений Флорентьевич – д-р ист. наук, доцент, eft655565@yahoo.com

Юн Сергей Миронович – канд. ист. наук, доцент, sergey.yun@mail.tsu.ru

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Адрес: 634050, г. Томск, просп. Ленина, 36

Аннотация. В современном Узбекистане проводятся масштабные социально-экономические реформы, одним из направлений которых стала модернизация системы высшего образования. Целью статьи является оценка степени реального и потенциального влияния реформирования узбекского высшего образования на возможности экспорта образовательных услуг российскими вузами. Соответственно, в статье рассматривается эволюция национальной системы высшего образования при президенте И.А. Каримове (1991–2016 гг.), анализируются новые приоритеты политики в сфере высшего образования, обозначенные его преемником Ш.М. Мирзиёевым, раскрывается их взаимосвязь с осуществляемой в Узбекистане сменой моделей государственного развития, выявляются задачи и инструменты интернационализации высшего образования. Теоретико-методологической основой исследования являются концепция внутренней и внешней интернационализации высшего образования, модель элементов системы высшего образования Б. Кларка, концепция уровней массовизации высшего образования М. Трору.

Авторы показывают масштабность и системность вызовов в сфере высшего образования, сформировавшихся в Узбекистане за 25 лет независимости. Отмечается, что интернационализация высшего образования стала для узбекских властей инструментом достижения сразу нескольких целей, в том числе повышения качества высшего образования, его массовизации и продвижения качественного высшего образования в областные центры страны. Показаны параметры внутренней и внешней интернационализации узбекского высшего образования, динамика которой приобрела беспрецедентный для постсоветского пространства характер. Подчеркивается, что политический курс на сближение с Россией, начатый Ташкентом в 2016 г., создал для российских вузов исключительно благоприятные возможности для работы на узбекском направлении и привлечения абитуриентов из Узбекистана. На среднесрочную перспективу сформулированы четыре сценария интернационализации высшего образования в Узбекистане.

Ключевые слова: Узбекистан, система высшего образования, внутренняя и внешняя интернационализация, российско-узбекское образовательное сотрудничество, экспорт образовательных услуг

Для цитирования: Троцкий Е.Ф., Юн С.М. Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 157–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-157-168

Uzbekistan: New Milestones of Higher Education Internationalization

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-157-168

Evgeny F. Troitskiy – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., eft655565@yahoo.com

Sergey M. Yun – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., sergey.yun@mail.tsu.ru

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Address: 36, Lenin ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract. Modern Uzbekistan undergoes wide-scale social and economic reforms that include the modernization of higher education system. This paper aims at evaluating the actual and potential impact of the reforms in Uzbekistan's higher education on the Russian universities' opportunities to export education to Uzbekistan. Accordingly, the paper traces the evolution of the national higher education system under President Islam A. Karimov (from 1991 to 2016), analyzes the new priorities of higher education policies set by his successor Shavkat M. Mirziyoyev, shows their interlinkages with the transition to a new model of national development, and focuses on the objectives and instruments of higher education internationalization. Theoretically and methodologically, the research relies on the concepts of internal and external internationalization of higher education, Clark's model of higher education system elements, and Trow's concept of higher education massification levels.

The authors show the scale and interconnectedness of higher education challenges that have been developing in Uzbekistan in the course of the 25 years of its independence. The authors argue that higher education internationalization has become a way to achieve a number of objectives, in particular to improve the quality of higher education, orient it to massification, make it more accessible in the country's regional centers. The paper shows the parameters of internal and external internationalization of higher education in Uzbekistan that has demonstrated the unprecedented dynamics in post-Soviet countries. The paper underlines that the policy of rapprochement with Russia launched by Tashkent in 2016 has created exceptionally beneficial opportunities for Russian universities to work in Uzbekistan and attract Uzbek students. Four mid-term scenarios of higher education internationalization in Uzbekistan are suggested.

Keywords: Uzbekistan, higher education system, internal and external internationalization, Russian – Uzbek educational cooperation

Cite as: Troitskiy, E.F., Yun, S.M. (2021). Uzbekistan: New Milestones of Higher Education Internationalization. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 10, pp. 157-168, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-157-168 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

За почти три десятилетия со времени распада СССР система высшего образования в независимых постсоветских государствах претерпела существенные изменения, опреде-

лившие формирование в каждой стране своей, национальной модели. В ходе реформ постсоветские страны сталкивались со сходными проблемами, решали сходные задачи, и, безусловно, накопленный опыт стран представ-

ляет взаимный научный и практический интерес. При этом особенности национальной модели высшего образования, текущие подходы государства к дальнейшему реформированию системы, включая вопросы интернационализации, – это важные факторы, определяющие достижение не только политической цели развития образовательного сотрудничества между Россией и постсоветскими странами, но и цели увеличения иностранных студентов, обучающихся в российских вузах.

Современный Узбекистан занимает особое место среди постсоветских стран с точки зрения интересов России. Это третье по численности населения государство, пятая по размеру экономика, военно-политический союзник России, один из двух региональных лидеров и главных торгово-экономических партнёров Москвы в Центральной Азии. В сфере высшего образования Узбекистан – один из главных экспортных рынков для России. Интерес к современному Узбекистану определяется также тем, что с приходом к власти в 2016 г. президента Ш.М. Мирзиёева в стране начался новый этап системных реформ, включая реформу высшего образования.

Цель данного исследования – оценить степень реального и потенциального влияния современного этапа реформирования высшего образования Узбекистана на возможности экспорта российского образования в Узбекистан. Для этого в работе будут рассмотрены следующие темы:

- модель высшего образования, сложившаяся в Узбекистане при первом президенте И.А. Каримове (1991–2016 гг.);

- приоритеты государственной политики реформирования высшего образования Узбекистана при президенте Ш.М. Мирзиёеве, её корреляция с более общей моделью национального развития;

- приоритеты, инструменты и сценарии дальнейшей политики интернационализации системы высшего образования Узбекистана.

Теоретико-методологической основой исследования являются концепция внутренней и внешней интернационализации высшего

образования [1–3], концепция элементов системы высшего образования Б. Кларка [4], концепция уровней массовизации высшего образования М. Трой [5]. Основными методами, применяемыми в исследовании, являются:

- реконструкция демографической, социально-экономической и политической среды, в которой развивается система высшего образования Узбекистана;

- анализ нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование узбекской системы высшего образования и задающей векторы её эволюции;

- анализ государственной политики в сфере высшего образования, опирающийся на результаты исследования нормативно-правовой базы, внешнее инструментальное наблюдение, историко-описательный и политико-описательный методы.

Источниковую базу исследования составляют национальная и международная статистика, международные соглашения, законодательные и нормативно-правовые акты, официальная информация Министерства высшего и среднего специального образования Узбекистана (МВССО), узбекских вузов и их зарубежных партнёров, новостные ресурсы и аналитика информационных агентств и информационно-аналитических центров.

Новая модель развития Узбекистана

При первом Президенте Узбекистана И.А. Каримове (1991–2016 гг.) ключевыми принципами, определившими формирование особой, «узбекской» модели национального развития, стали: в политике и сфере безопасности – укрепление авторитарного президентского правления, контроль органов власти над гражданским сообществом и СМИ, сохранение крупной боеспособной армии и силовых служб, в экономике – градуализм при проведении реформ, ключевая роль государства в качестве собственника и агента развития, курс на импортозамещение и поддержку местных производителей, во внешней политике – следование принципу сбалансированной равноудалённости от мировых центров силы, фокус

на двусторонних отношениях [6, р. 95–114; 7, с. 125–127]. Такая модель имела очевидные плюсы, особенно на этапе консолидации современной узбекской государственности, среди них: более мягкий переход к суверенному существованию; меньшая уязвимость к воздействию внешних финансово-экономических факторов; хотя и ограниченное, но поступательное развитие местной промышленности; крупные государственные инвестиции в инфраструктуру и социальную систему [8]. Однако были и существенные негативные последствия, не только сдерживавшие эффективное использование имеющегося природного, демографического, культурно-туристического, транспортно-транзитного и иного потенциала, но и представлявшие риск увеличения отставания Узбекистана от ведущих государств и регионов мира, развивающихся на принципах экономики знаний и цифровой революции. Среди них: монополизм и техническая отсталость в различных секторах экономики; неблагоприятная бизнес-среда для развития частного бизнеса и привлечения иностранных инвестиций; слабые экспортные возможности, за исключением поставок сырья; сложные отношения с соседями в регионе [6, р. 115–116; 9, с. 141–156]. В целом такая консервативная модель работала на ограничение и сдерживание внешних связей в самых различных областях, хотя будет некорректно утверждать, что Узбекистан был закрытой страной или страной с закрытой экономикой.

Ш.М. Мирзиёев стал и.о. президента Узбекистана 8 сентября 2016 г. На выборах 4 декабря 2016 г. он был избран постоянно действующим президентом страны. При И.А. Каримове он был бессменным премьер-министром (с 2003 г.), «человеком системы», от которого ожидали скорее сохранения преемственности. Однако за короткий период при новом президенте страна взяла курс на проведение системных реформ. 7 февраля 2017 г. была принята «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах», определяющая общие направления реформ

в среднесрочной перспективе. Как представляется, логика стратегии реформ определяется ключевой задачей выйти на ускоренную социально-экономическую модернизацию через переход «от ориентированной на внутреннюю экономику модели к более открытой, интегрированной и ориентированной на экспорт экономике»¹. Именно этой логике подчинены не только проводимые собственно экономические реформы (переход на рыночное валютное регулирование; смягчение регуляторной, налоговой, административной нагрузки на бизнес; либерализация условий внешнеэкономической деятельности и др.), но и реформы госуправления, энергетики, транспорта, правовой системы, визовой политики, а также резкое улучшение отношений с соседями в Центральной Азии и активизация взаимодействия с международными банками развития, ВТО, ведущими экономиками мира.

Руководство Узбекистана проводит прагматичный курс. Оно не переносит в Узбекистан какую-то конкретную модель, а в разных сферах ищет лучшее из возможных, наиболее подходящее с учётом местной специфики решение и таким образом внедряет в практику разные модели и технологии, взятые из международного опыта. В целом масштаб и глубина нынешних реформ создают уже в краткосрочной перспективе огромный запрос к системе высшего образования Узбекистана на подготовку современных квалифицированных кадров и развитие собственных научно-технологических школ. Не случайно реформа высшего образования стала одной из ключевых в пакете реформ при новом президенте.

Система высшего образования при И.А. Каримове

Являясь наследницей советской системы, система высшего образования Узбекистана

¹ Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Страновая стратегия Узбекистана 2018–2023 гг. 2018. С. 3. URL: <https://www.ebrd.com/cs/Satellite?c=Content&cid=1395275367399&d=&pagename=EBRD%2FContent%2FDownloadDocument> (дата обращения: 31.08.2021).

претерпела при президенте И.А. Каримове определённые изменения в логике политического и экономического развития страны и оформилась в виде уникальной «узбекской» модели. С точки зрения горизонтальной дифференциации системы, на уровне институтов [4] в Узбекистане сохранилась модель «одна публичная система – множество секторов» (только государственные вузы, разные типы вузов); за годы независимости она стала более диверсифицированной. Если в 1988–1989 гг. в Узбекской ССР было 43 вуза, из которых три университета и 40 институтов, то, по данным на начало 2016 г., в стране функционировали 82 вуза, из них 32 университета, шесть академий, 44 института². Большинство новых вузов появились в результате разделения действующих вузов, институты расширяли направления подготовки и получали статус университетов [10, р. 442–445]. Негосударственные вузы отсутствовали, несмотря на упоминание такой возможности в статье 4 Закона «Об образовании».

Узбекистан начал участвовать в программе «Темпус» Европейского союза по поддержке реформы высшего образования с 1994 г. Вместо пятилетнего специалитета Законом «Об образовании» 1997 г. были введены две ступени: четырёхлетний бакалавриат и двухлетняя магистратура. Участие Узбекистана в образовательных проектах «Темпус»/«Эразмус+» было направлено главным образом на поддержку внедрения двухступенчатой системы высшего образования Узбекистана, особенно магистратуры, и финансирование мобильности преподавателей и студентов. По другим аспектам Болонского процесса и европейских практик высшего образования власти занимали скорее «ознакомительно-выжидательную» позицию.

В соответствии с классификацией уровня охвата молодёжи высшим образовани-

ем, предложенной М. Трой (до 15% – элитарная система, до 50% – массовая, свыше 50% – всеобщая) [5], уровень массовизации высшего образования СССР вырос от элитарного (11% возрастной группы 20–24 года в 1960 г.) до массового (26% в 1990 г.). Данный показатель для высшего образования Узбекской ССР в 1990 г. был 19%, что ближе к элитарной модели [10, р. 471]. Несмотря на значительный рост населения страны в годы независимости и кратный рост спроса на высшее образование, руководство Узбекистана придерживалось элитарной модели развития высшего образования, централизованно определяя ежегодные квоты набора в вузы (и бюджетные, и платные места) и при этом сделал обязательным среднее специальное, профессиональное образование населения. Показатель доступности высшего образования по методологии ЮНЕСКО («gross enrolment ratio») для Узбекистана составлял: в 1991 г. – 17,5%, в 2000 г. – 13,07%, в 2005 г. – 10,07% и варьировался в пределах 8–9% в 2011–2016 гг.³ Вечерняя и заочная формы обучения были ликвидированы. Неудовлетворённый спрос стимулировал отток абитуриентов из страны.

Что касается распределения авторитета и управления в высшем образовании на национальном уровне [4], то в Узбекистане сохранилось гиперцентрализованное управление системой со стороны центральных органов власти, однако без существовавшей в годы СССР системы гарантированного распределения на работу после обучения. Узбекские власти не только определяли детальные квоты набора каждый год в разрезе вузов, направлений подготовки, источников оплаты (за счёт бюджета или по договору) и языков обучения, но и, например, спускали сверху стоимость обучения или диктовали содержание обучения в рамках утверждаемых государственных образовательных стандартов (максимальный объём изменений в установленные стандартом учебные планы не мог

² Европейская комиссия. Узбекистан. Обзор системы высшего образования. Февраль 2016. С. 7. URL: <http://www.erasmusplus.uz/images/shared/RU%20Uzbekistan%20country%20fiche%20Rus%20Final%2018%2003%2016.pdf> (дата обращения: 31.08.2021).

³ UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 31.08.2021).

превышать 5% от общего учебного времени). Большинство вузов Узбекистана находилось в подчинении МВССО, однако немалая их часть была подотчётна профильным отраслевым ведомствам. На уровне вуза ключевой фигурой управленческой вертикали являлся ректор, назначаемый Кабинетом министров. Назначение проректоров осуществляло высшее ведомство, назначение деканов – ректор, но по согласованию с ведомством.

Как и почти все бывшие республики СССР, Узбекистан быстро отказался от советской системы бесплатного высшего образования в пользу смешанной модели, включающей, наряду с сохранением бюджетных мест, платную форму обучения в вузах за счёт домохозяйств и организаций. Анализ данных о долях ежегодных квот набора на бюджетное и платное обучение показывает, что в отношении программ бакалавриата – основной статьи расходов на высшее образование – шло планомерное сокращение доли государственного финансирования: с 40% бюджетных мест в общем количестве квот в 2000 г. до 33% в 2016 г.⁴ В отношении программ магистратуры динамика не была линейной, в 2014–2016 гг. доля бюджетных мест составляла 31%. По данным Всемирного банка, объём расходов бюджета Узбекистана на образование был одним из самых высоких в мире (около 8% ВВП), однако доля системы высшего образования была одной из самых низких в мире (0,4% ВВП, или 5% бюджета на образование)⁵. Нагрузка

профессора и доцента в среднем составляла 20 часов в неделю, старших преподавателей и преподавателей – 25 часов в неделю, что не оставляло времени на науку. В 2013 г. не имели учёной степени 59,4% преподавателей местных вузов и 64,4% преподавателей филиалов зарубежных вузов [10, р. 456].

В рамках сложившейся модели национального развития и подходов к организации системы высшего образования интернационализация вузовской системы Узбекистана не считалась приоритетом государственной политики. Более того, узбекское государство сильно ограничивало и контролировало академические обмены между узбекскими и зарубежными вузами на уровне студентов и преподавателей, рассматривая это направление как потенциальную угрозу национальной идентичности и безопасности страны. Единственным заметным шагом в сторону интернационализации системы было открытие в Узбекистане при Президенте И.А. Каримове семи филиалов зарубежных вузов, в том числе российских: РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГУ им. М.В. Ломоносова и РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Однако количество обучающихся в этих филиалах составляло в 2015–2016 учеб. г. менее 3% всех узбекских студентов.

В целом высшее образование независимо от Узбекистана сложилось как государственная, элитарная, преимущественно платная, сверхцентрализованная в отношении управления, недофинансируемая, сфокусированная на преподавании в ущерб науке система, в которой спрос абсолютно доминирует над предложением: за места в вузах конкурируют абитуриенты, а не вузы. Такая система консервировала сложившиеся практики, поощряла коррупцию [11] и не стимулировала вузы к развитию науки, укреплению связей с реальным сектором экономики, повышению качества образования. В результате в стране сложились неадекватная современным реалиям научно-технологического развития

⁴ Здесь и далее по тексту статьи данные и расчёты, связанные с квотами набора в вузы Узбекистана, получены на основе ежегодных постановлений Президента Узбекистана «О параметрах государственного заказа по приёму на учёбу в высшие образовательные учреждения Республики Узбекистан», доступных в Национальной базе законодательства Республики Узбекистан LexUz. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵ Uzbekistan Modernizing Tertiary Education. June 2014. Report No. 88606-UZ. The World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/27992/88606-REVISED-PUBLIC-UzbekistanHigherEducationReporten.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 31.08.2021).

<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/27992/88606-REVISED-PUBLIC-UzbekistanHigherEducationReporten.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 31.08.2021).

структура вузовской подготовки по направлениям и специальностям, что привело к дефициту выпускников с высшим образованием для различных отраслей экономики [12]. Разрыв между задачами социально-экономического развития страны и возможностями устаревшей вузовской системы без обновления последней мог ещё более углубиться с началом масштабных экономических реформ при новом Президенте Ш.М. Мирзиёеве.

Приоритеты реформы при Ш.М. Мирзиёеве

Разработка реформы высшего образования Узбекистана началась сразу после его прихода на пост Президента. С тех пор был издан целый массив документов по разным аспектам реформирования, подписанных, главным образом, на уровне Президента Узбекистана. Среди них – ключевые рамочные документы, определяющие цели, задачи и приоритеты: среднесрочные постановления Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» от 20 апреля 2017 г., «Программа комплексного развития системы высшего образования на период 2017–2021 гг.», а затем – долгосрочная «Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года» от 8 октября 2019 г. (далее – Концепция 2019 г.)⁶.

Концепция 2019 г. в качестве стратегических целей развития системы высшего образования страны определяет: (1) повышение качества подготовки кадров, (2) повышение уровня охвата населения высшим образованием, (3) формирование конкурентной среды и обеспечение конкурентоспособности системы на международном уровне. Документ не содержит упоминаний Болонских принципов или какой-то конкретной национальной или региональной модели системы

высшего образования как предпочтительной, вместо этого часто отсылая к «международным стандартам» в образовании, «передовому зарубежному опыту». Документ частично носит общий характер, лишь упоминая многочисленные направления, подходы к развитию вузов; впрочем, он содержит немало конкретных действий, механизмов, решений, а также определяет целевые количественные показатели выполнения Концепции (Приложение 1 к Концепции).

Анализ содержания Концепции 2019 г. и других документов, а также предпринимаемых шагов позволяет сделать следующие выводы о долгосрочных подходах нынешних властей Узбекистана к модернизации высшего образования Узбекистана. Прежде всего, власти страны отказались от элитарной модели в пользу массового и даже всеобщего высшего образования. В Концепции 2019 г. целевой показатель уровня охвата молодёжи высшим образованием – 50% к 2030 г. Для этого был взят курс на увеличение набора в существующих вузах, открытие новых государственных вузов и филиалов действующих вузов в регионах страны, негосударственных вузов и филиалов зарубежных вузов, возвращены вечерняя и заочная формы обучения. По сравнению с началом 2016 г. общее количество вузов на середину августа 2020 г. выросло в 1,5 раза и составило 122 единицы⁷. Целевой показатель по количеству негосударственных вузов в Концепции 2019 г. – от пяти единиц в 2019 г. до 35 в 2030 г. Таким образом, вторым важным решением властей Узбекистана стал переход к модели «частные и публичные системы – множество секторов» [4], в которой негосударственные вузы тоже имеют значение. В Концепции 2019 г. также запланированы различные «мероприятия», которые ещё требуют конкретизации, но в случае реализации существенно изменят вузовский ландшафт в Узбекистане.

⁶ Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5847 от 8 октября 2019 г. «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года». URL: <https://lex.uz/ru/docs/4545887> (дата обращения: 31.08.2021).

⁷ Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан (МВССО). Высшие учебные заведения. URL: <https://edu.uz/ru/otm/index> (дата обращения: 31.08.2021).

Среди них: поэтапное укрупнение вузов, приватизация отдельных вузов с сохранением не менее 51% доли у государства, создание Президентского университета «как ведущего центра образования и науки» и другие.

Форсированный рост количества вузов показывает, что именно цель повысить уровень охвата молодёжи высшим образованием является ключевой на современном этапе в ущерб целям обеспечения качества подготовки и конкурентоспособности системы на международном уровне. Квоты на приём в вузы Узбекистана стали быстро расти с 2017 г. В 2020 г. квоты на очный бакалавриат составили 103,6 тыс. мест, что в 1,8 раз больше, чем было в 2016 г., на заочное отделение бакалавриата – 31,4 тыс., на вечернее отделение – пять тыс. мест. Первоначальным планом властей предусматривалось расширение доступности первой ступени высшего образования за счёт дополнительных трат домохозяйств и организаций: количество платных квот на очный бакалавриат в 2017–2019 гг. росло быстрыми темпами, а бюджетных квот – даже несколько уменьшилось по сравнению с 2016 г.; обучение на заочном и вечернем отделениях было восстановлено только на контрактной основе. Однако в январе 2020 г. в послании Олий Мажлису Ш.М. Мирзиёев предложил увеличить долю грантов (бюджетных мест) в два раза. Для набора 2020 г. по сравнению с 2019 г. было выделено дополнительно 20 тыс. бюджетных мест на очный бакалавриат. Что касается магистратуры, то количество квот выросло в 2017–2020 гг. в два раза, при этом набор на бюджетные места вырос значительно больше, чем на платные, видимо, в интересах ускоренной подготовки кадров для высшей школы.

В Концепции 2019 г. декларируется введение академической и финансовой самостоятельности вузов, но поэтапно. Например, в идеале предполагается введение механизма конкурса на бюджетные места среди вузов и самостоятельное определение вузами параметра приёма на платное обучение. Пока

в этом направлении сделаны только первые шаги: вузам разрешили набирать дополнительно к квотам на контрактные места в рамках так называемого «суперконтракта», определены 10 вузов для пилотного перехода на систему самофинансирования. При этом управленческая вертикаль в системе высшего образования осталась практически в неизменном виде: ключевые решения принимаются на уровне Администрации Президента и Кабинета министров, главное исполнительное ведомство – МВССО с сохранением подчинённости отраслевых вузов своим головным ведомствам, ректор назначается Кабмином по согласованию с Администрацией Президента, проректоры – руководителями ведомств «по подчинённости»⁸.

Таким образом, современный этап реформирования высшего образования Узбекистана разворачивается на основе принятой долгосрочной стратегии в направлении формирования всеобщей по охвату молодёжи системы, развития как государственного, так и частного сектора, увеличения количества многопрофильных университетов и усложнения дифференциации вузов, существенного роста объёмов как государственных, так и частных расходов на высшее образование, поэтапного внедрения отдельных принципов самостоятельности вузов с сохранением жёсткой управленческой вертикали. Глубина проблем высшего образования, сложившихся к 2016 г., масштабный характер запланированных реформ системы, а также общий курс на модернизацию страны на основе более открытой, интегрированной, экспортно ориентированной модели предопределили тот факт, что с самого начала критически важное место в реформе высшего образования заняли вопросы его интернационализации.

⁸ Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4391 от 11.07.2019 «О мерах по внедрению новых принципов управления в систему высшего и среднего специального образования». URL: <https://lex.uz/ru/docs/4415487> (дата обращения: 31.08.2021).

Интернационализация высшего образования, место России и сценарии развития

Интернационализация высшего образования стала для нынешних узбекских властей инструментом достижения сразу нескольких целей: повышения качества высшего образования, его массовизации, продвижения качественного высшего образования в областные центры страны, повышения политического веса и престижа Узбекистана в Центральной Азии. Динамика интернационализации узбекского высшего образования приобрела беспрецедентный для постсоветского пространства характер. Это процесс развёртывается в двух измерениях – внутреннем и внешнем.

Под внутренней интернационализацией высшего образования понимается «целенаправленная интеграция международных и межкультурных составляющих в формальную и неформальную учебную программу для всех студентов, обучающихся в вузе» [13]. Взяв курс на массовизацию высшего образования, Узбекистан сделал выбор в пользу ускоренной внутренней интернационализации, стремясь совместить наращивание объёмов подготовки специалистов с ростом качества выпускаемых кадров. Одним из средств внутренней интернационализации стало открытие в стране филиалов зарубежных вузов. В 2020 г. в Узбекистане действовали 22 филиала зарубежных университетов, тогда как в 2016 г. – только семь. К 2030 г. количество филиалов зарубежных вузов в Узбекистане должно возрасти до 45.

Однако филиалы, несмотря на их бурный рост, пока охватывают лишь около 3,5% численности обучающихся в Узбекистане студентов, причём 19 из 22 филиалов находятся в Ташкенте и Ташкентской области. Большой эффект призвано дать широкое внедрение совместных образовательных программ с зарубежными вузами. В 2017 г. каждому высшему образовательному учреждению Узбекистана было предписано установить «партнёрские отношения с ведущими профильными зарубежными научно-образова-

тельными учреждениями»⁹. За прошедшие три года узбекские вузы, как ташкентские, так и региональные, запустили множество совместных образовательных программ с зарубежными вузами. Абсолютными лидерами среди партнёров по совместным программам являются вузы России и Белоруссии [14]. Открыты также программы с вузами Польши, Китая, Южной Кореи и других стран.

Массовое внедрение совместных образовательных программ с зарубежными вузами стало показателем радикального изменения отношения узбекских властей к получению гражданами Узбекистана образования за рубежом и к развитию академической мобильности. Внешняя интернационализация стала восприниматься как ценный дополнительный ресурс модернизации высшего образования. В 2018 г. были упрощены правила приёма иностранных граждан в узбекские вузы. В начале 2019 г. была значительно облегчена процедура нострификации зарубежных дипломов о высшем образовании. При правительстве страны в 2018 г. был учреждён Фонд «Эл-юрт умиди» по подготовке специалистов за рубежом, выделивший за два года 985 стипендий на обучение и повышение квалификации. 461 стипендиат был направлен в Россию.

В Концепции 2019 г. внешняя интернационализация с акцентом на повышение качества и международной конкурентоспособности узбекской высшей школы объявлена одним из приоритетов. Поставленные задачи, с учётом низких стартовых позиций, впечатляют амбициозностью: «проведение системной работы по включению не менее 10 высших образовательных учреждений страны в первую 1000 позиций» в международно признанных рейтингах, «в том числе Национального университета Узбекистана и Самаркандского госуниверситета – в первые 500 позиций»; повышение доли зарубежных преподава-

⁹ Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2909 от 20.04.2017 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования». URL: <http://www.lex.uz/docs/3171587> (дата обращения: 31.08.2021).

телей, привлечённых в вузы страны, с 1% до 12%; создание зарубежных филиалов узбекских вузов и превращение системы высшего образования страны в «хаб по реализации международных образовательных программ в Центральной Азии»; увеличение доли иностранных студентов в Узбекистане до 15% (в 2018 г. их численность в Узбекистане составляла только 709 человек¹⁰).

Политический курс на сближение с Россией, начатый в 2016 г., создал для российских вузов исключительно благоприятные возможности для работы на узбекском направлении и привлечения абитуриентов из Узбекистана. В апреле 2017 г. было подписано рамочное межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения, медицинского образования и науки, в октябре 2018 г. – Соглашение о создании и функционировании филиалов российских вузов в Узбекистане. В мае 2019 г. Москва и Ташкент сделали важнейший шаг в развитии образовательного сотрудничества, подписав Соглашение о взаимном признании образования и квалификации, учёных степеней. Сформировались механизмы межгосударственного и межвузовского диалога по вопросам образования. В рамках межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству была образована подкомиссия по науке и образованию. В 2018 г. состоялся первый Российско-узбекский образовательный форум (форум ректоров), в мае 2020 г. – онлайн-конференция ректоров вузов России и Узбекистана.

В настоящее время Россия обладает безусловным доминированием в качестве зарубежного партнёра узбекских вузов по совместным образовательным программам. 10 из 22 действующих в Узбекистане филиалов зарубежных вузов созданы российскими университетами. В соответствии с доступными данными по 42 вузам Узбекистана, в 2020 г. около половины мест по совместным программам бака-

лавриата с зарубежными вузами было выделено под российско-узбекские проекты [14].

Возникает вопрос: насколько длительным окажется открывшийся с началом реформ Ш.М. Мирзиёева благоприятный для российских вузов период для закрепления на узбекском рынке высшего образования? Узбекистан проводит многовекторную внешнюю политику, сохраняя политическую дистанцию от России. Прошлый опыт свидетельствует о способности и готовности узбекского государства к резким внешнеполитическим поворотам, отражающимся на всём спектре двусторонних отношений. Узбекистан поставил себе высокую планку национальных задач в сфере высшего образования. Руководство Узбекистана не рассматривает страну в качестве «вечного» потребителя российских образовательных услуг, но заинтересовано в российском опыте и практиках для раскрытия и наращивания собственного образовательного и научного потенциала.

Нарастает и конкуренция за ниши на узбекском рынке высшего образования. Бурный рост демонстрирует узбекско-корейское образовательное сотрудничество, активизируются японские и индийские вузы, закрепление за Китаем положения ведущего инвестора в экономику страны влечёт за собой повышение спроса на образовательные услуги вузов КНР, пока что сдерживаемое языковым барьером и слабой заинтересованностью элитных китайских университетов.

Заключение

Таким образом, на среднесрочную перспективу просматриваются четыре сценария интернационализации высшего образования в Узбекистане. Первый – наиболее вероятный в силу масштабности поставленных задач и уже сформированного задела – продолжение политики *тотальной интернационализации*, в которую встроены единственные барьеры, ограничивающие работу на узбекском рынке вузов центрально-азиатских стран. В случае корректировки внешнеполитического курса Ташкента возможен

¹⁰ В вузах Узбекистана обучаются 709 иностранных студентов // Газета.UZ. 2018. 19 января. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/01/19/edu/> (дата обращения: 31.08.2021).

переход ко второму сценарию – *выборочной интернационализации*, развёрнутой в сторону создания режима наибольшего благоприятствования для вузов определённых групп стран (например, европейских и американских университетов либо университетов государств, для которых Центральная Азия является относительно периферийным внешнеполитическим направлением и сотрудничество с которыми, соответственно, несёт слабую политическую «нагрузку», таких как Республика Корея, Япония, Индия). Третий сценарий – *элитная интернационализация*, при которой к работе в Узбекистане допускаются только высокорейтинговые зарубежные вузы, – может сформироваться, если узбекское руководство сочтёт, что тотальная интернационализация не решает задач повышения качества высшего образования, а для массовизации высшего образования достаточно ресурсов национальных вузов. *Свёртывание интернационализации*, спровоцированное социально-политической дестабилизацией в Узбекистане и ужесточением политического режима, маловероятно.

Ориентируясь на первый сценарий, российские вузы должны учитывать и возможность перехода Ташкента к реализации моделей выборочной или элитной интернационализации и активизировать усилия, чтобы воспользоваться открытым Узбекистаном «окном возможностей», закрепив за Россией роль «проводника» страны по пути модернизации и обеспечения международной конкурентоспособности системы высшего образования.

Литература

1. Knight J. Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education // Deardorff D.K., de Wit H., Heyl J.D., Adams T. (Eds.) The SAGE Handbook on International Higher Education. Thousand Oaks, CA : Sage, 2012. P. 27–42.
2. Leask B. Internationalizing the Curriculum. N.Y. : Routledge, 2015.
3. Де Вит Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8–34. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-8-34
4. Кларк Б.П. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011. 360 с.
5. Trow M. Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education. Berkeley : Carnegie Commission on Higher Education, 1973. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED091983.pdf> (дата обращения: 31.08.21).
6. Pomfret R. The Central Asian Economies in the Twenty-First Century: Paving a New Silk Road. Princeton : Princeton University Press, 2019. 328 p.
7. Эргашев Б. Принцип «сбалансированной равноудалённости в отношении мировых центров силы» во внешней политике Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1. С. 124–136. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-1-124-136
8. Popov V. An Economic Miracle in the Post-Soviet Space. How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has // PONSARS Eurasia working papers, August 2013. DOI: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2303867>
9. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М. : МОНФ, 2001.
10. Huisman J., Smolentseva A., Frumin I. 25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity. Palgrave Macmillan, 2018. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-52980-6> (дата обращения: 31.08.21).
11. Yun A. Corruption in Uzbek higher education: detrimental impurity for the future. Bishkek: OSCE Academy; Norwegian Institute of International Affairs, 2016. URL: <https://etico.iiep.unesco.org/sites/default/files/Brief34.pdf> (дата обращения: 31.08.21).
12. Sondergaard L., Murthi, M., Abu-Ghaida, D., Bodewig, Ch., Rutkowski, J. Skills, Not Just Diplomas: Managing Education for Results in Eastern Europe and Central Asia. Wash., D.C.: World Bank, 2012. URL: <http://hdl.handle.net/10986/2368> (дата обращения: 31.08.21).
13. Beelen J., Jones E. Redefining Internationalization at Home // Curai, A., Matei, L., Pricopie, R., Salmi, J., Scott, P. (Eds.). The European Higher Education Area: Between Critical Reflections and Future Policies. Dordrecht: Springer, 2015. P. 67–80.
14. Юн С. Вузы Белоруссии – главный конкурент российских вузов в Узбекистане? // Центр евразийских исследований ТГУ, 2020. URL: <http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-vuzyi-belorussii-glavnyi-konkurent-rossiiskikh-vuzov-v-uzbekistane/> (дата обращения: 31.08.21).

Благодарность. Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (грант № 8.1.33.2020).

Статья поступила в редакцию 20.11.20

После доработки 12.04.21

Принята к публикации 20.06.21

References

1. Knight, J. (2012). Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education. In: Deardorff, D.K., de Wit, H., Heyl, J.D., Adams, T. (Eds.) *The SAGE Handbook on International Higher Education*. Thousand Oaks, CA : Sage, pp. 27-42.
2. Leask B. (2015). *Internationalizing the Curriculum*. N.Y. : Routledge.
3. De Wit, H. (2019). Evolving Concepts, Trends and Challenges in the Internationalization of Higher Education in the World. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 2, pp. 8-34, doi: 10.17323/1814-9545-2019-2-8-34 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Clark, B.R. (2011). *The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective*. University of California Press. (Russian translation by A. Smirnov, Ed. D. Aleksandrov, Moscow: HSE Publ., 2011. 360 p.).
5. Trow, M. (1973). *Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education*. Berkeley: Carnegie Commission on Higher Education. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED091983.pdf>
6. Pomfret, R. (2019). *The Central Asian Economies in the Twenty-First Century: Paving a New Silk Road*. Princeton : Princeton University Press, 328 p.
7. Ergashev, B. (2020). The Principle of “Balanced Equidistance in Relation to World Power Centers” in Uzbekistan’s Foreign Policy. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii = Russia and New States of Eurasia*. No. I, pp. 124-136, doi: 10.20542/2073-4786-2020-1-124-136 (In Russ.).
8. Popov, V. (2013). An Economic Miracle in the Post-Soviet Space. How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has. *PONARS Eurasia Working Papers*, August, doi: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2303867>
9. Zhukov, S.V., Reznikova, O.B. (2001). *Tsentral'naya Aziya v sotsial'no-ekonomicheskikh strukturakh sovremennogo mira* [Central Asia in the Social and Economic Structures of the Modern World]. Moscow: Moscow Public Science Foundation Publ. (In Russ.).
10. Huisman, J., Smolentseva, A., Frumin, I. (2018). *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity*. Palgrave Macmillan. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-52980-6> (accessed 31.08.21).
11. Yun, A. (2016). *Corruption in Uzbek Higher Education: Detrimental Impurity for the Future*. Bishkek: OSCE Academy; Norwegian Institute of International Affairs. Available at: <https://etico.iiep.unesco.org/sites/default/files/Brief34.pdf> (accessed 31.08.21).
12. Sondergaard, L., Murthi, M., Abu-Ghaida, D., Bodewig, Ch., Rutkowski, J. (2012). *Skills, Not Just Diplomats: Managing Education for Results in Eastern Europe and Central Asia*. Wash., D.C.: World Bank. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/2368> (accessed 31.08.21).
13. Beelen, J., Jones, E. (2015). Redefining Internationalization at Home. In: Curai, A., Matei, L., Pricopie, R., Salmi, J., Scott, P. (Eds.). *The European Higher Education Area: Between Critical Reflections and Future Policies*. Dordrecht: Springer, pp. 67-80.
14. Yun, S (2020). *Vuzy Belorussii – glavnyi konkurent rossiyskikh vuziv v Uzbekistane?* [Belorussian Universities: Are They the Main Competitor of Russian Universities in Uzbekistan?]. Tomsk: The Centre for TSU Eurasian Studies. Available at: <http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/sergei-iun-vuzy-belorussii-glavnyi-konkurent-rossiiskikh-vuzov-v-uzbekistane/> (accessed 31.08.21). (In Russ.).

Acknowledgement. This research was supported by the Tomsk State University competitiveness improvement programme grant (grant № 8.1.33.2020).

The paper was submitted 20.11.20

Received after reworking 12.04.21

Accepted for publication 20.06.21